

Жизнь продолжается, несмотря ни на что...

*Но и до смерти до своей едва ли
Я позабуду тот и день и год,
Когда в Сибирь или куда подале
Поволжских немцев разом выселяли.
Не тех, кто побывал в судебном зале,
Не хутор, не деревню - весь народ.*

В. Савельев

Роковым днем для немцев Поволжья стало 28 августа 1941 года. В этот день Президиум Верховного Совета СССР издал по указанию Сталина секретный указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в другие края и области. Указ содержал прямое обвинение немцев Поволжья в пособничестве агрессору, поэтому всё без исключения немецкое население СССР, проживавшее западнее Урала, подверглось депортации.

В этот водоворот страшных событий попала и шестнадцатилетняя девушка Женя Штраух.

Евгения Александровна Нейман (Штраух) родилась 21 января 1925 года в г. Саратове.

- Мои родители, Александр Петрович и Мария Ивановна 1905 года рождения, жили в любви и согласии. Я - единственная, любимая дочь в семье. Папа работал кладовщиком на заводе

Женя Штраух, 1941 год

тракторных деталей, мама при заводской больнице. Здесь же при заводе мы занимали крошечную комнатку. Я училась в 41-й средней школе г. Саратова. Тяжело давался русский язык - имела «посредственную» отметку, а по всем остальным предметам «4» и «5».

Когда появились в России немцы Диц, Штраух Евгения Александровна не знает, возможно, со времен Екатерины II, а может и при Петре I. Евгения Александровна говорит, что испокон веков их род проживал в России. Её дедушка Штраух Петр, будучи уже в возрасте, работал кучером при этом же заводе. Богатства никакого не было, жили очень скромно.

- Летом 1938 года мы с мамой отправились на базар за продуктами. День был жаркий. На базаре былолюдно, нам пришлось долго стоять в очередях, я лакомилась мороженым, а мама настолько устала от летнего зноя, что ей уже ничего не хотелось. Мы с трудом добрались до дома. Упав в изнеможении, она выпила холодного молока, а к вечеру у нее поднялась температура. Когда мама обратилась в больницу, было уже поздно. Диагноз - туберкулез.

21 января Жене исполнилось 14 лет, а 29-го она потеряла свою любимую мамочку. Безысходное горе навалилось на хрупкие девичьи плечи...

Через полгода отец привел в дом Александру Сергеевну Волкову. Нужно сказать, что мачеха изо всех сил старалась наладить

Александр Петрович и Мария Ивановна Штраух

отношения с падчерицей, старалась смягчить ее душевную боль, и ей со временем это удалось. Возвращаясь с работы, она всегда ей приносила гостинец, заботилась, как о родной дочери. Боль душевная улеглась, Женя поняла, что жизнь продолжается, не смотря ни на что...

- 1941 год... в первых числах сентября в товарных вагонах поезд мчал нас на восток, в суровую Сибирь. Вагоны были переполнены, благо нам место досталось напротив двери, иначе бы задохнулись от вони и духоты. Вещей было немного, но взяли все самое хорошее.

Высадили нас на станции Ояш, п. Антоновка, Новосибирской области. Дедушка Штраух Петр ехал вместе с нами, но куда его высадили, что с ним было дальше неизвестно.

Еще в дороге мы познакомились с молодой семьей, у них был полуторагодовалый сын Костя. Они были образованные люди, специалисты по гидромелиорации. Их взяли в колхоз в бухгалтерию, а я нянчила их мальчика. Отец до Нового года работал в колхозе.

А 27 января 1942 года его забрали в трудармию на строительство железной дороги Абагур - Тайшет.

О пребывании российских немцев в трудармии почти ничего неизвестно, т.к. они не относились к числу заключенных. Суровые климатические условия, непосильный труд вели к высокой смертности. Уже через некоторое время Александр Петрович обессилел, перестал выполнять наряд-задание, а нормы питания устанавливались по нормам ГУЛАГа. За невыполнение наряд-задания норма хлеба урезалась.

- И вот, как-то в феврале мне женщины мне говорят: «Женя, беги домой, отец твой вернулся». Я побежала. Навстречу мне шел худой, весь обмороженный, на костылях человек, в котором я с трудом узнала своего отца. Мне пришлось менять свои платья на

молоко и другие продукты для него. Через два месяца он уже мог ходить с палочкой. В мае его вновь забрали в трудовую армию.

Это было последняя наша встреча, прощаясь, мы понимали, что прощаемся навсегда.

Женя осталась одна, теперь она тоже работала в колхозе. От отца еще приходило письмо, он сообщил, что его вторая жена прислала деньги ему на продукты, но их украли в «зоне», что болел цингой, и просил прислать чеснок и лук. Женя помочь ему уже ничем не могла. Вещей уже почти не было, лишь оставался отцовский добротный новый костюм, но он просил хранить его до самого «черного дня», да и чеснок весной достать она не могла. Новые брюки отца она обменяла на картошку и посадила огород. Картошка буйно цвела, когда в июле их посадили на баржи и отправили вниз по Оби. С собой только ручная кладь. Окрики конвоиров, плач детей, растерянные лица и обреченность в глазах людей, молча выполняющих приказы.

- Народу на баржах и в трюмах было так много, что даже пере-ставить ногу или пошевелить ею не было возможности. Люди не сходили с места, иначе потом некуда было сесть. Все держались семьями, с родственниками, а я одна - одинешенька...

- Тех, кто в пути умирал, чаще всего просто выбрасывали за борт, не предавая тело земле. Мне было так страшно...

В пути председатели колхозов набирали себе работников. Только в Каргаске председатель колхоза из Киндала взял Женю и еще трех девушек на покос. Расселили по людям.

Самое трудное было пережить дискриминацию по отношению к немцам, моральное угнетение. Власти не пытались объяснить местному населению, что советские немцы не несут ответственности за развязанную Гитлером войну. Это усиливало неприязнь к переселенцам не только коренных жителей, но и тех, кто совсем недавно сами были спецпереселенцами.

- Нас вообще за людей не считали, унижали, обзывали фашистами. Но председатель Киндальского колхоза был, казалось нам, добр по отношению к нам. Он в некоторой степени позаботился о питании, предложил рабочую одежду.

- Когда закончился покос, приехал из Каргаска вербовщик из Торгплодоовощи тесать клепку. Завербовал нас всех. Мы валили кедрач, пилили чурочки поперечной пилой и лучком. Потом чурочки раскалывали. Нам платили небольшие деньги.

В Старом Киндале был организован промкомбинат, мастерские по пошиву одежды, обуви (шили чирки), была пимокатная.

- Нас определили заготавливать дрова для мастерских. Лес пилили двуручной пилой, обрубали сучья, а вывозили его на быках. Бык - упрямое животное, погрузив дрова на сани, мы «упрашивали» быка тронуться с места, но безуспешно, нам приходилось подтаскивать бревна к быку, мы тянули быка, а он сани. 16-летние девчонки... Теперь не могу представить, как мы выполняли план, а он был жестким, особенно по отношению к новому контингенту, к «фашистам». Один день лес валили, потом пилили и кололи на две мастерские. За что и получали свои - 800 г., иждивенцам хлеб выдавали по 600 г., а детям - 400 г.

- Я ходила за хлебом сама и всегда просила продавца дать мне «горбушечку» хлеба, никогда не могла донести его до дома, по крошечке, по крошечке съедала его по дороге.

В Киндале жили с Зоей Карле (она работала бухгалтером в промкомбинате). В выходной день мы ходили в лес за краснопрутником, а после работы вечерами плели корзины и сдавали их за хлеб. За корзину давали 400 грамм хлеба. Это был дополнительный паек. У Зои был сын трех лет, пока Зоя была на работе, мальчик находился дома один и ждал, когда мама вечером его накормит. Мальчик, увидев хлеб, закрывал его руками, целовал его и кричал, что это его хлеб. Мы с трудом успокаивали его, но он потом «щедро» делился с нами этим хлебом. До сих пор перед

глазами эта картина. У Зои муж был в трудармии, как оказалось, вместе с моим отцом, мы подружились. Сама Зоя русская, поэтому ходатайствовала о своем возвращении в Поволжье. Но она должна была развестись с мужем, отказаться от него. Когда она попросила у него развод, он повесился. Зоя простить себе этого не могла.

- С Зоей мы жили у местного рыбака на квартире. Сам дядя Герасим был добрый человек, но жена его всегда досаждала нам. Повесим на ночь на шесток одежду просушить, она обязательно сбросит ее на пол, утром приходится надевать мокрую. А одежда - то была: штаны из мешковины, чирки, которые уже расползлись окончательно, и худая поддевка. Мы сами заготавливали им дрова, носили воду, убирались в доме, но хозяйку это не устраивало, и она выменивала у нас одежду за картошку. Так пришлось обменять мамин подарок - сережки с хризолитом. У меня еще была перина, и вот хозяйская дочь все время у меня ее выпрашивала, а я отказывала. «Ну, ничего, - говорила она, - все равно будешь сдыхать с голоду, никуда не денешься, отдашь». Герасим, бывая дома, после ужина говорил жене: «Налей девчонкам ухи». Она выловит всю гущу, отдаст собакам, а нам плеснет юшки, но мы и этому были рады, хотя от обиды ком в горле стоял, но хотелось выжить...

- Вскоре по вербовке я попала в Вертикосский леспромхоз. Здесь вышла замуж за Неймана Александра Карловича.

Родился он 16 мая 1926 года. Бабушка Саши жила в прислугах у богатых. Мария, мать Саши, была простой и скромной девушкой. Вышла замуж за Неймана Карла, родила ему двух сыновей. Но однажды Карл сказал Марии: «Я нашел любимого человека, не обижайся на меня. Если хочешь, отдай мне сыновей». Так распалась семья. Карл работал на маслозаводе мастером, новая семья жила в достатке, а Мария, работая техничкой, жила впроголодь. Тогда она попросила мужа забрать сыновей себе, Саше в ту пору

было 7 лет, а Ване три годика. Вскоре они переехали в Среднюю Азию. Но отец отпускал иногда сыновей летом гостить к матери.

Бабушка переехала в другой город и вышла замуж. Мария жила в людях, но потом они взяли её к себе. Когда Саша подрос, он поступил в ремесленное училище в городе у мамы. Ванечка тоже все время просил маму забрать его к себе, но жить было негде. И дедушка пообещал ему, что на следующий год он тоже останется у них.

Наступил роковой 41 год...

Саша с мамой, бабушкой и дедушкой оказались в Сибири. Саше еще не было 15-ти лет, поэтому в трудармию он не попал. С ним мы оказались на одной барже, вместе были в Каргаске и Киндале. Куда отправляли работать меня, там оказывался и Саша. Естественно сначала возникла дружба и взаимопомощь, а потом пришла любовь...

В Вертикосе мы жили в бараче. Здесь жила и их семья. Мама Саши работала техничкой в пекарне, бабушка жила в няньках у Егора Аркадьевича (он работал продавцом в магазине), дедушка собирал милостыню, работать он уже не мог.

-Я была совершенно одна, у всех были родственники, а у меня никого совершенно, может быть, поэтому все меня жалели, помогали всегда мне. Бывало, приду с работы, хлеба уже нет, вечером варить нечего. Мария Нейман видит, что я сегодня не показываюсь у плиты, принесет мне чашечку супа, картошки, заставит съесть.

А в 1946 году мы с Сашей поженились.

Нельзя сказать, что с этого момента жизнь наладилась, но теперь Женя вновь обрела семью, за спиной была защита и опора - муж. В 47-м появилась Ирочка, затем пошли один за другим дети... В 1948 году их перевели в Нюрольский леспромхоз.

И здесь опять наряд-задание. Лес под валку нам выделяли всегда чапыжник, а вечером в конторе вывешивали «Молнию»-

Слева направо: Александр, Евгения и Иван Нейман

сводку о выполнении работ на лесозаготовках, и нас, немцев, всегда «продергивали» за невыполнение нормы.

Теперь у Евгении Александровны хранятся правительственные награды: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», - много почетных грамот и благодарностей. Она «Ветеран труда».

Но какая жизнь прошла...